

Моя жена — дракон

Денис Рерих

Моя жена — дракон

«Автор»

2026

Рерих Д.

Моя жена — дракон / Д. Рерих — «Автор», 2026

Я — Николай. Торговец травами, собиратель редкостей и человек, который в жизни не держал в руках ничего тяжелее мешка с сушёной звёздчаткой. Не воин. Не маг. Не герой. Но три года назад я побежал за двумя ворами, укравшими яйцо, и встретил дракона. Нет, не убил. Не приручил. Женился.

Содержание

Пролог	5
Глава первая — случай на рынке	7
Глава вторая — судная встреча	10
Глава третья — ночлег	13
Глава четвёртая — рыжая ночь	16
Глава пятая — мы дома	18
Глава шестая — крылатый кошмар	21

Денис Рерих

Моя жена — дракон

Пролог

Пролог

Дорога через лес была пуста, и я уже предвкушал, как доберусь до постоянного двора, скину с плеч проклятую поклажу и наконец-то вытяну ноги. Мешок с товаром оттягивал плечо, солнце пекло затылок, а впереди маячил поворот, за которым, если верить карте, начинался тракт.

Я не сразу заметил, как из кустов слева и справа выскользнули две тени.

— Стоять, торговец, — просипел первый, и в его руке блеснуло лезвие мачете. — Кошелёк или жизнь.

Второй, пониже и поплотнее, криво ухмыльнулся и поиграл своим тесаком, больше напоминал мне коротышку кулинару, чем бандита. Оба выглядели так, будто неделю не ели и ещё дольше не мылись. В другое время я бы, может, и испугался, но сегодня нервы были натянуты до предела, и вместо страха внутри шевельнулось что-то вроде досады. Ну вот представьте: вы почти закончили свою работу, как вдруг серый голодный волк съедает всё, что вы так долго готовили, ну и чёртики..

— Ребята, — начал я, поднимая свободную руку. — Давайте просто разойдёмся. У меня ничего ценного — пара мотков верёвки, сушёные травы, немного соли...

— Соли? — перебил второй и сплюнул. — Нам нужны деньги, а не приправы! Гони монеты, или мы тебя порешим и сами найдём.

Первый шагнул ближе, и мачете свистнуло в воздухе, рассекая листья, сорвавшиеся с ближайшей ветки. Я попятился, прикидывая, успею ли добежать до деревьев, но, кажись, упёрся спиной в кривой ствол старого дуба. Пути назад не было. Кряк мне.

И вот тогда — с неба.

Сначала раздался звук, похожий на треск рвущейся парусины, только в сорок... в сто раз громче. Потом воздух над поляной содрогнулся, и на бандитов обрушилась огромная тень. Я увидел, как их головы одновременно, будто по команде, запрокинулись вверх. Глаза у обоих стали округлыми, как блюдца моей бабушки, а челюсти отвисли едва ли не до груди.

— Д-д-дракон... — выдавил первый, и его мачете выпало из пальцев, воткнувшись в землю у моих ног.

Второй не сказал ничего. Он просто заверещал совсем тонко, по-бабьи, — развернулся и бросился в кусты. Первый, спотыкаясь о собственные ноги, рванул следом, на бегу потеряв один сапог. Они ломились сквозь подлесок, как перепуганные кабаны, и ещё долго было слышно, как трещат ветки и кто-то истошно вопит про то, что «это не наша вина». Интересно, чья?

Я проводил их взглядом, а потом медленно повернулся.

На поляну мягко, опустившись четыре лапы, приземлилась она...

Моя красавица: чешуя цвета вечернего неба и глубокая синева с проблесками золота — переливалась в лучах заходящего солнца. Длинная шея изогнулась, и огромная голова склонилась ко мне. Зрачок, вертикальный, как у кошки, сузился, а потом снова расширился, став тёплым и таким всю свою вечность узнаваемым.

— Я закончил, м-милая-я-я~ — протянул я в мягком тоне, каким обращался к ней и только к ней — к ней никто кроме меня так не относится. Между прочем большой труд. Я всегда старался контролировать дрожь в голосе перед кем-то вроде неё, не из самоотверженности,

нет... из любви и уважения. Сегодня получилось не очень, но она всё равно мурлыкнула — низко, утробно, так, что у меня в груди что-то отозвалось.

— Очень хорошо, Коль, — ответила дракон, и её голос прозвучал у меня в голове, обволакивая, как тёплый мёд. — Я уж думала, ты решил переночевать в лесу.

— Да я... и сам уже начал сомневаться, хе-хе — признался я, подходя ближе. Положил ладонь на тёплую чешую у её плеча. — Спасибо, что прилетела.

На душе стало как-то спокойнее. Товар в целости и сохранности, а значит уже завтра я смогу обновить наши припасы и вновь её накормить. В конце концов, я не воин, а простой купец и заявляю: я этим горжусь! Воин не накормит жену мечом и не проявит той ласки, вечно занятый боем. Её бархатный голос вывел меня из мыслей...

— Эти двое выглядели забавно, — заметила она, и в её мысленном голосе послышалась улыбка. — Особенно тот, что потерял сапог.

— Ага. Наверное, до сих пор бежит.

Я забрался ей на спину, устраиваясь в привычной выемке между гребнями, и закрепил мешок с товаром ремнями. Чешуя подо мной была гладкой и тёплой, как нагретый солнцем камень. Дракон расправила крылья, эти огромные, полупрозрачные, с лёгким серебристым отливом, — и одним мощным толчком оторвалась от земли.

Лесные гущи остались внизу, превратившись в пёстрое одеяло из крон. Ветер ударил в лицо, засвистел в ушах, и я прижался щекой к шее дракона, чувствуя, как ходят под её кожей могучие мышцы.

— А я сегодня лягушек видела! — поделилась она, когда мы поднялись над облаками. Голос звучал радостно, по-детски. — Целых трёх. Одна была зелёная, с золотыми пятнышками. Я за ней полчаса наблюдала.

— Это, наверное, была квакша, — отозвался я, улыбаясь. — Они красивые.

— Очень! А ещё одна сидела на кувшинке и так смешно надувала горло. Я чуть не рассмеялась вслух.

— Да уж, представляю, что с лесом было бы...

Я закрыл глаза, позволяя себе наконец расслабиться. День выдался тяжёлым: с утра — торг с придиричивым старостой, потом сломанная ось телеги, из-за которой пришлось тащить товар на себе, затем эти бандиты... Но сейчас, летя на спине собственной жены-дракона в самый закат, я думал только о том, что всё это того стоило. Что каждый день с ней — даже самый трудный — всё равно остаётся удивительным. Потому что рядом с ней мир становится больше, ярче, и даже встреченный ею зелёные жабки превращаются в повод для нашей совместной радости.

— А я люблю тебя, — тихо произнёс я, почти не разжимая губ.

На несколько секунд пришла тишина, и только ветер пел свою колыбельную в натянутых перепонках крыльев. Потом дракон повернула голову, и я увидел её глаз — огромный, янтарный, полный этой... нежности, от которой, прости господи всё колом встаёт, в хорошем смысле...

— Я тоже люблю тебя, мой Николай, — ответила она приятным, немного редким драконьим рыком, жгучим и любовным вечерним вином, которым она когда-то меня угощала.

Впереди, на самом краю неба, догорал закат, и мы летели прямо в него.

Завтра нас ждал новый поход, пьяный защитник кристалла... а впрочем, это всё было потом, ведь началось всё три года назад, когда я, дурак, выкрал у воров то самое... яйцо...

Глава первая — случай на рынке

Глава первая — случай на рынке

Я вышел на главную улицу, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы тени от домов стали короткими и резкими. Город утомительно просыпался под шум всякого люда: пахло свежим хлебом из пекарни, где-то кричали разносчики, громыхали телеги по брусчатке, и над всем этим висел привычный гул — смесь голосов, шагов, стука молотков и скрипа потёртых временем вывесок. Ничего необычного.

Я шагал не спеша, поправляя ляжку полупустой сумки, чьё сукно потихоньку натирало мне спину. В вечернее время, знаете ли, результат болезненный. Я размышлял о том, как устроен мой день. Каждое утро начинается одинаково: сначала — окрестные леса, поля, ручьи, иногда болота. Я ищу то, что другие не замечают. Травы, которые цветут только после тумана. Кору, сочащуюся смолой. Грибы, светящиеся в темноте. Всё это — мой товар.. Небогатый, но ценный теми, кто понимает происхождение и ценность этих вещей.

Потом, нагрузив себя всякими находками, я возвращаюсь в город и иду на рынок... чудесное место, а не рынок. Там как раз уже и начинается вторая часть дня: поиск нужных лавок, знакомых торговцев, которые, возможно, возьмут мой товар по честной цене, а иногда и предложат что-то взамен. Помнится, мне так предложили мешок муки за редкий вид шишек, вот я тогда диву дал, а ведь не впервые мне такое. Сегодня мне нужно было продать пучок сушёной звёздчатки, немного болотного мха и, если повезёт, баночку мази из змеиного жира — её я варил сам, по рецепту, который когда-то выменял у старой травницы, хорошая женщина была... то есть она и сейчас есть, не подумайте!

— Николай! — Окликнул меня мой старый знакомый по имени Ренвик — А я уж думал, ты сегодня не придёшь. Ну-ка, давай... показывай, что принёс вкусного сегодня!

Однако хорошее настроение у него сегодня, свезло ли с чем-то? Он с осторожностью откладывал свои товары на вёрстный столик. Его заинтересованный взгляд окинул мою сумку.

— Здравствуй, Ренвик, — кивнул я, ставя сумку на край прилавка. — У меня здесь немного, но всё в общем стоящее.

— У тебя всегда стоящее, — хохотнул он, потирая ладони. — Давай, не томи.

Я начал выкладывать товар. Звёздчатка, перевязанная тонкой бечёвкой, выглядела скромно, но Ренвик сразу смерил мой товар заинтересованным взглядом, понюхал, покрутил в пальцах и даже... лизнул, после чего одобрительно хмыкнул. Болотный мох он осмотрел ещё внимательнее, впрочем, я немного отвлёкся, поглядывая на проплывающие облака, не дай боже дождь начнётся сегодня...

— М-гм... хор-роший товар... — признал он. — Свежий, не пересушен. Сколько просишь?

— За оба пучка — десять серебряных, — сказал я, заранее зная, что сейчас он начнёт торговаться.

— Десять? — Ренвик картинно схватился за сердце, заставив меня улыбнуться. — Да за такие деньги я могу купить целый мешок этого мха у эльфов с юга! Восемь, братец...

— У эльфов с юга мох пахнет тиной, а этот — чистый, собран на рассвете у холодного ключа, я там продрог до самых косточек. Девять.

— Договорились, — улыбнулся я, и мы ударили по рукам.

Пока Ренвик отсчитывал монеты, пожёвывая сухую ягоду, я невольно задержал взгляд на его витрине. Там, за мутноватым стеклом, лежали вещи, от которых у любого собирателя загорелись бы глаза. Связка сушёных огненных ягод, каждая размером с ноготь, тускло мерцала алым. Рядом стояла склянка с жидкостью, переливающейся из зелёного в синий. Дальше — несколько птичьих перьев, слишком длинных и ярких, чтобы принадлежать обычной птице.

— Всё высматриваешь? — усмехнулся Ренвик, перехватив мой взгляд. — Есть кое-что и для тебя.

Я внутренне напрягся, но внешне остался спокоен: сейчас меня хотя либо надуть, либо предложить нечто уникальное. Он мой старый знакомый, но близко мы ни разу не общались..

Ренвик, пожёывая во рту сухую ягоду, наклонился ближе и лукаво понизил голос: — Я бы неплохо заплатил за чешую. Даже за одну. Особенно если с крыла — там прочнее. А если достанешь зуб, вообще озолочу.

— Чешуя... зуб? — переспросил я, приподняв бровь.

О чём он вообще говорит, чья чешуя и чей зуб? Я не охотник и тем более уж не живодёр. Такого мне ещё ни разу не предлагали, и сегодня Ренвик вёл себя в целом слишком весело и странно. Мой взгляд вновь зацепился за его витрину, забредая к висящим на крючках шкурах, чешуе и странной формы черепу...

— Понимаю, — закивал он. — Потому и цену назову хорошую. Или, скажем, коготь с задней лапы. Или слюну — говорят, она целебная. Всё, что угодно.

Я уже собирался ответить, что подумаю над его «замечательным» предложением об этом деле, как вдруг с улицы донёсся грохот, звон разбитого стекла и истошный крик:

— Держи их! Ограбили! Яйцо унесли!

Я повернул голову и успел заметить, как мимо лавки, расталкивая прохожих, пробежали двое в чёрных масках. Один прижимал к груди что-то большое, завёрнутое в тряпки. Второй размахивал ножом, расчищая дорогу. Они мчались в сторону городских ворот.

И тут я увидел, что именно нёс первый. Ткань сбилась, и на мгновение показалось нечто гладкое, с перламутровым отливом, размером с дыню. Яйцо.

Яйцо.

Сердце ёкнуло. Я не знал, чьё оно, но одно понял мгновенно: такие вещи стоят дороже любых трав, смол и даже золота. Яйцо редкой твари — возможно, драконье, грифоновое или василиска — это источник силы, ингредиент для могущественных зелий, залог огромной сделки. И я даже не подумал о том, чтобы вернуть его владельцу. Инстинкт собирателя и торговца, помноженный на азарт, бросил меня вперёд. В атаку.

Я не собирался его красть. Я просто... хотел посмотреть. Ну, может, подобрать, если воры бросят. Я же собиратель. Это не охота. Это... любопытство. Да. Точно любопытство

— Стой! — крикнул я и, схватив сумку, рванул следом.

Бежать по брусчатке было охренеть как тяжело. Сумка била по бедру, впереди мелькали спины убегающих, я уворачивался от прохожих, перепрыгивал через корзины с фруктами, опрокинул чей-то лоток с глиняной посудой. За спиной что-то кричали, свистели, но я не оборачивался.

Мы миновали ворота, выскочили за городскую стену и понеслись по пыльной дороге, сворачивая к лесу. Ветки хлестали по лицу, корни норовили поймать за ноги. Дыхание сбивалось, лёгкие горели как после полыни. Но я не останавливался — яйцо маячило впереди, как наваждение. Морок.

Наконец, когда лес стал гуще, а солнце спряталось за кронами, я почувствовал, что силы на исходе. Остановился, упёрся ладонями в колени и всем напором ноздрей глотнул воздух. Холодный пот заливал глаза, сердце неприятно колотилось где-то в горле. Беглецы скрылись из виду, но я знал, что они где-то рядом, за деревьями...

И вдруг — крик. Не тот, что ожидаешь услышать от воруги, удирающего с добычей. Это был вопль ужаса, животный, полный паники. Ветки впереди затрещали, и мимо меня, точно ошпаренные, пронеслись те самые двое. Глаза у них были безумные, один потерял маску, и по его лицу текла кровь из рассечённой брови. Второй орал, размахивая руками, и — Господи! — его плечо горело. Настоящее пламя рвало языком рукав, он сбивал его на бегу, но огонь только сильнее разгорался.

Они промчались в сторону города, оставив после себя запах едкого вонючего дыма и дикого страха. Я застыл, не в силах осмыслить происходящее. Яйца у них, кстати, не было.

А потом я поднял голову и о-бо-млею.

Там, на фоне темнеющего неба, среди верхушек сосен, я увидел нечто. Огромное. Крылатое. Оно висело в воздухе, медленно взмахивая перепончатыми крыльями, и от его силуэта веяло такой первобытной яростью, что у меня подкосились ноги.

Дракон.

Глава вторая — судная встреча

Глава вторая — судная встреча

Я не двинулся с места. Ноги словно вросли в землю, а сердце бешено билось птицей в клетке.

Я не отступил. Внутри, помимо страха, шевелилось какое-то упрямство — упрямство, которое заставляло меня углубляться в болота за редким мхом и спорить с торговцами до хрипоты в горле. К тому же яйцо... оно где-то осталось лежать, быть может, на тропе, и мысль о том, что такая ценность может достаться кому-то другому или просто пропасть, оказалась сильнее инстинкта самосохранения.

Я сделал шаг вперёд, потом ещё один. Косые ветки громко хрустели под ногами, и каждый звук отдавался в ушах болезненным треском, каждый раз вызывая волну напряжения в теле.

А потом я и впрямь увидел тропу. Но не ту, что вытаптывают, это была широченная тропа, будто звери ходили здесь веками. И прямо посреди неё, на подстилке из мха и папоротников, лежало яйцо. Большое яйцо с перламутровым отливом, переливающееся в скудном свете пробивающихся сквозь кроны лучей. Оно было целым, лишь слегка испачканным землёй.

Тишина.

Я не знаю, что в этот момент на меня нашло. Но вместо того чтобы схватить его и бежать, я медленно подошёл, опустился на колени, положил ладони на гладкую тёплую скорлупу. Оно было живым — я чувствовал лёгкую вибрацию изнутри, будто там билось крошечное сердце. И в этот момент страх отступил, уступив место странному тихому благоговению.

— Яйцо давай, — раздался голос.

Я тут же оцепенел. Тело отказалось повиноваться, мне даже дышать стало как-то... трудно. Холодный и твёрдый, как сталь. Женский. Голос прозвучал не в ушах, а отдался мне прямо в нутре, но я сразу понял, откуда он исходит.

Сзади. Совсем близко.

Я медленно, очень медленно повернул голову.

На тропе, в нескольких шагах от меня, стояла женщина. Молодая, с длинными чёрными волосами, собранными в высокий хвост. На ней было кимоно цвета запёкшейся крови — алое, с тёмным поясом, расшитым золотой нитью. Лицо — точёное, с острыми скулами и тонкими губами, на которых не было и тени улыбки. Глаза — такие янтарные, такие красивые... с вертикальными зрачками, смотрели на меня строго, не моргая. Это мягко, скажем, выглядело жутко.

Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Она шагнула ближе. Гравий под её босыми ступнями даже не шелохнулся — она двигалась бесшумно, точно хищница, которая вот-вот схватит свою добычу острыми когтями.

— Я сказала: яйцо давай, — повторила она, и в её голосе зазвенела угроза.

Я хотел подчиниться ей, хотел убрать руки и отползти, но не успел.

Позади меня раздался треск.

Сначала тихий, как будто треснула веточка. Потом громче и я совсем комично отшатнулся, прикрывая лицо рукой, словно от обстрела, но всё равно успел увидеть, как среди перламутровых обломков, зашевелилось маленькое существо.

Ребёнок.... Это ребёнок! Ну и правда, а кто же там ещё мог быть-то?

Да только он крошечный, с розовой кожей, пухлыми щёчками и редкими тёмными волосиками на макушке. Выглядел как любое новорожденное детище людское. Он заёрзал, сморщил личико и издал первый тоненький писк. Ну, вы хоть раз видели, чтобы дети из яиц вылуплялись?

Мне вот мать говорила, что меня аист принёс, может, всё-таки не соврала-таки!

Женщина тем временем бросилась вперёд. Кимоно взметнулось красным крылом. На её лице не гнев, а материнский испуг, пожалуй, в разы устрашающий, чем гнев, потому что что-то в глубине меня болезненно откликнулось. Сейчас я разделял этот неизведанный страх вместе с ней, и он становился всё сильнее...

— Нет... Не сейчас. Не здесь. Не так рано...

— Что? — не понял я.

— Ты что наделал? Идиот! — произнесла она громко, но без крика, и в голосе её дрогнуло что-то, похожее на отчаяние. Мне захотелось... просто что-нибудь сделать. Оправдаться или подбежать и обнять её, но я стоял и наблюдал, чувствуя себя последней скотиной или даже хуже.

Она упала на колени рядом со мной, протянула руки к ребёнку, но замерла. Я сидел, всё ещё ошеломлённый, и только теперь осознал самое худшее: это я чёрт возьми, положив ладони на яйцо, каким-то образом спровоцировал вылупление. Или просто оказался рядом в нужный момент. Но я уже не мог просто стоять и почти ссутулился под весом своей вины, всё больше набирающей тяжесть.

— Извините... — выдавил я, и голос прозвучал жалко, по-детски.

Женщина подняла на меня взгляд. В её глазах плескалось столько всего — злость, страх, растерянность. Это так тяжело. Неоправданно тяжело.

А потом она сделала то, чего я не ожидал.

Она встала, сделала шаг назад и выпрямилась. Лицо её вновь стало холодным, но в осанке появилось что-то новое — решимость. Она взглянула на ребёнка, который уже перестал плакать и теперь тихо сопел, потом на меня.

— Поднимай, — приказала она.

— Что? — не понял я.

— Ребёнка поднимай. Понесёшь. Он вылупился чёрт знает где!

Я тупо уставился на неё, потом на малыша. Тот лежал среди осколков, крошечный и беззащитный, и меня вдруг накрыло осознание: он только что появился на свет, и ведь я — первый, кого он увидел. Внутри меня что-то жестянкой щёлкнуло прямо в грудь. Но да ладно с этим. У меня было так много вопросов: куда мне предстоит его нести? Неужели мы двинемся куда-то далеко, почему не в город? Однако времени на тупые вопросы не оставалось, особенно, когда на тебя нацелен этот... жуткий материнский взгляд.

Глубоко вздохнув, я осторожно поднял младенца, поддерживая головку ладонью, и прижал к груди. Он оказался удивительно лёгким и тёплым, пах молоком и чем-то неуловимо знакомым — как грозовое небо, но в хорошем смысле.

Женщина наблюдала за мной, не смыкая глаз. Потом шагнула в сторону, и её тело начало меняться.

Это было похоже на то, как распускается цветок, только в тысячу раз быстрее и страшнее. Кожа на руках потемнела и покрылась чешуёй, такой, вроде тёмно-синей, хотя я и не особо отличаю его от синего. Внутри можно было увидеть золотые прожилки, особенно если ты тоже торговец. Пальцы удлиннились, срослись, превращаясь в костяные пластины. Плечи раздались вширь, спина изогнулась дугой, и из неё, прорывая красный шёлк, вырвались огромные перепончатые крылья. Кимоно лопнуло, разлетелось клочьями, и на его месте засверкала чешуя, будто отполированная кузнечом. Лицо, всё ещё человеческое, заострилось, челюсть вытянулась, и вот уже на меня смотрел тот самый дракон, которого я видел в небе. Только теперь — вблизи, и от этого величия захватывало дух, а тело напряжилось.

Она опустила на все четыре лапы, и земля дрогнула. Голова повернулась ко мне, янтарный глаз блеснул.

— Садись. Живо.

Я не посмел послушаться. Держа ребёнка одной рукой, другой ухватился за гребень у основания её шеи и прыг-скок — забрался ей прямо на спину. Чешуя подо мной была тёплой, шероховатой, и я сразу почувствовал, как перекачиваются под ней мышцы — сила, готовая сорваться в любой миг.

— Если уронишь, я тебя сама уроню, ПОНЯЛ? — произнесла дракон всё тем же более свирепым голосом, который теперь звучал прямо в голове.

— понял, — пискнул я, прижимая ребёнка к себе так, будто от этого зависела моя жизнь. Потому что, собственно, так и было!

К тому же... мне было страшно за младенца. Мне, скажем, повезло, что он спит. Я не обратил сразу внимания, но кожа его была совсем уж не как у младенца, она была твёрдой и пуповина была целой, потому что ребёнок буквально вылупился из яйца. Если он вдруг проснётся, придётся мне агу-агу или быть может тише-тише? Хоть бы матушка его подсказала, но спрашивать я пока что-то побаиваюсь...

Дракон расправила крылья, и я зажмурился, готовясь к худшему. Но вместо резкого рывка последовал плавный толчок — и мы оторвались от земли. Я не мог поверить, мы летим!

Ветер ударил в лицо, свистнул в ушах, и я знатно так вклеился в неё, причём во всех смыслах. Учитывая мою унылую жизнь, организм напомнил мне, где я и что происходит. Ребёнок завопил, но не заплакал, только крепче прижался к моей груди, будто чувствовал, что падать нельзя. Я же чувствовал, как моё давление стало слегка повышаться, аж во рту пересохло. Даже в детстве, когда залезал на высокие деревья, меня мучило от одного взгляда вниз. А теперь подо мной расстился лес, и единственное, что отделяло меня от гибели, — это моя хватка и милость этой красивой женщины, которая только что обещала отправить меня в свободный полёт без учителя в случае ошибки.

Мы набирали высоту, и мир становился игрушечным: ленты рек, зелёные шапки холмов, далёкая полоска городской стены. Чтобы не охренеть, я старался не смотреть вниз, но взгляд сам цеплялся за проплывающие под нами облака. Внутри бушевала буря — страх, восторг, вина и странное, почти забытое чувство, будто я снова живой. И посреди всего этого — мы и ребёнок, такой маленький миленький пирожочек...

Дракон летела ровно, не оборачиваясь, и я чувствовал спиной её дыхание — глубокое, мощное, как работа невидимого механизма. От неё пахло грозой и раскалённым песком, и этот запах странным образом успокаивал. Я поймал себя на том, что разглядываю её затылок, изгиб шеи, вспоминая её с десятков минут назад в образе красивой девушки и мне стало неловко.

«Что я наделал?» — мелькнуло в голове. Но ответы то туда, то сюда скользко и неуловимо сносило порывами ветра.

Глава третья — ночлег

Глава третья — ночлег

Мы летели, пока небо не начало темнеть. Последние лучи солнца растекались по горизонту. Ребёнок спал у меня на руках — удивительно, как он умудрялся не просыпаться от ветра и качки. Было очень красиво и очень тихо. Я даже немного заплутал в своих мыслях, но меня сразу же вырвал из мыслей голос девушки:

— Нам нужно где-то остановиться, — сказал я, перекрикивая ветер.

Дракон не ответила, но слегка наклонила крыло, и мы начали снижаться. Внизу, в долине между двумя лесистыми холмами, я заметил тонкую струйку дыма. Хижина. Маленькая, одинокая, но с крепкой крышей и огороженным двориком. Выглядела она так, будто сошла с картинки из детской книжки: деревянные стены, залатанная труба, пара коз у плетня.

— Туда, — кивнул я.

Приземлилась она мягче, чем я ожидал, и я сполз с её спины, чувствуя, как трясутся ноги, наверное, с непривычки. Ребёнок завозился, открыл мутные глазки и тихонько захныкал. Я прижал его к груди, покачивая: ч-ш-ш-ш, баю-бай и он снова затих...

Дракон приняла человеческий облик почти мгновенно. Я как благородный... купец, вежливо отвёл взгляд, ожидая, пока дама поправит одежду. Когда она заговорила, на ней уже было то самое красное кимоно, как и ожидалось: целое и невредимое.

— Иди первым, — велела она. — Я не хочу пугать хозяев.

Ну, конечно, пыльный купец напугает хозяев поздним вечером меньше красивой дамы — подумалось мне, но я лишь кивнул и направился к двери. Постучал. Через несколько секунд на порог вышел сухонький старик с коптящей лампой в руке. За его спиной маячила женщина в тёмном платке. Миленько.

— Добрый вечер, — начал я, стараясь выглядеть как можно более безобидно. — Мы путники, ищем ночлег. Заплатим, сколько скажете.

Старик прищурился, оглядел меня, ребёнка, потом перевёл взгляд на девушку, стоящую позади. Она смотрела на него спокойно, но я заметил, как её пальцы чуть сжались в кулаки.

— Заходите, — наконец сказал старик, широко улыбнувшись. — У нас небогато, но место найдётся. Гостей в этих краях редко встретишь. Особенно таких...

Внутри пахло сушёными травами и дымом. В очаге тлели угли. Старуха засуетилась, подкладывая дрова, предложила тёплой похлёбки. Я отказался есть... из вежливости, но попросил воды для ребёнка. Она принесла кружку, и я осторожно смочил малышу губы.

Хозяева выделили нам угол с широким тюфяком, застеленным грубым одеялом. Я осторожно уложил ребёнка, подперев его свёрнутым плащом, чтобы не скатился. Он почмокал губами во сне и затих. Мать опустила на пол у стены, скрестив ноги, и уставилась на огонь, не произнося ни слова.

Я сел напротив, чувствуя, как между нами повисает тяжёлая тишина. Она была красива — я не мог этого не замечать, даже в полумраке. Тонкие черты лица, длинные чёрные волосы, выбившиеся из хвоста, острые ключицы, выглядывающие из-под ворота кимоно. Но взгляд оставался холодным, как лезвие, и это держало меня на расстоянии лучше любых слов.

— Меня зовут Николай, — решил я наконец, когда молчание стало невыносимым. — Я торговец. Хожу по деревням и городам, собираю редкие травы, корни, всякое такое, вот...

Идиот — ты, Николай. Будь ты поувереннее с дамой!

Девушка перевела взгляд на меня. Её задумчивые глаза блеснули в свете очага.

— Мария, — коротко ответила она. И снова отвернулась к огню.

— А... ребёнок? — спросил я осторожно. — Он твой?

Мария решила промолчать. Похоже, я задал слишком тупой вопрос, больше похожий на риторический и мне стало стыдно. Я опустил глаза, а затем перевёл их на ребёнка. Этот младенец, он явно наследовал её черты и чей-то могучий дух...

— Я не знал, что яйцо было... живым, — признался я, глубоко вздыхая. — Правда, не знал. Я просто увидел, как эти двое бегут с ним, и подумал, что оно дорогое. Я не хотел навредить.

Она снова посмотрела на меня, и на этот раз в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на усталую горечь, но в нём не было обвиняющих нот. Возможно, мне не стоило заводить разговор об этом. Ну почему я такой идиот?

— Ты не навредил, — сказала она тише, чем раньше. — Но из-за тебя он вылупился раньше срока. Слишком рано.

— Это плохо?

— Это... опасно. Для него и для всех вокруг.

Я хотел спросить, почему, но осёкся. В её голосе прозвучало столько скрытой боли, что любые расспросы показались бы неуместными. Вместо этого я перевёл взгляд на спящего малыша. Он был таким маленьким, беззащитным, и от мысли, что мой необдуманный поступок мог ему навредить, внутри всё сжалось.

— Прости меня, — искренне сказал я. — Если я могу чем-то помочь — я помогу.

— Мы больше драконы, чем люди. Ему нельзя долго быть таким, не больше недели. По возвращению в безопасное место, он сможет стать дракончиком.

Мне вдруг стало интересно: а где они живут, в логове, в какой-то особенной деревне или где-то одному лишь богу известном месте? Думаю, это лучше оставить на будущее. Время покажет.

Некоторое время мы сидели молча. Я подбрасывал дрова в очаг, Мария не сводила глаз с огня, но теперь в её молчании уже не было враждебности. Просто настороженность, как у дикого зверя, который пока не знает, чего ждать от человека рядом.

— Ты всегда путешествуешь один? — неожиданно спросила она.

— Почти всегда, — ответил я. — Мне так проще. Никто не путается под ногами, никто не задаёт лишних вопросов.

— А если нападут?

— Ну, обычно я умею договариваться. А если нет — рождённый бегать — товар не потеряет!

Она хмыкнула, и мне показалось, что в её глазах мелькнула тень улыбки, которую она отчаянно пыталась от меня скрыть, хитрая девушка-дракон.

— Сегодня ты бегал не очень...

— Сегодня был особый случай, — возразил я, потирая всё ещё ноющие от полёта ноги. — Я вообще-то не планировал гоняться за ворами с драконьим яйцом.

— А вообще лучше летать.

— Да ладно...

Мария снова замолчала, но теперь уже не отгораживаясь от меня, а просто уплыла в облака. Ребёнок во сне зачмокал, и я потянулся поправить одеяло. Когда я поднял голову, она смотрела на меня странно — не враждебно, но изучающе, будто прикидывала, можно ли мне довериться.

— Спи, — сказала она, наконец. — Я посторожу.

— А ты сама?

— Я не устаю.

Я хотел возразить, что это неправильно — спать, пока она караулит, но глаза слипались сами собой. За день я пережил слишком много: погоню, вылупление, первый в жизни полёт.

Тело требовало отдыха, и сопротивляться не было сил. Тебе и правда, лучше отдохнуть, пока можешь, Коля...

Я лёг рядом с ребёнком, но сон не шёл. Каждый шорох, каждый треск половиц заставлял меня почему-то вздрагивать. Я никак не мог понять, что за чувство я испытываю рядом с ребёнком. Во время полёта и сейчас, когда я сторожу его сон. Мария сидела у стены, неподвижная, как статуя, и её присутствие одновременно успокаивало и напрягало.

Прошло, наверное, около часа. Тишина в доме стала густой, как бабушкин кисель, только сверчки за окном не унимались. Я уже начал проваливаться в дрему, когда почувствовал, как Мария вдруг напряглась.

Я открыл глаза, когда она смотрела на дверь, чуть склонив голову, и зрачки её в полумраке вытянулись в тонкие щёлки. Эта её неподвижность меня изрядно напрягла.

И тогда я тоже услышал.

Шаги. Медленные, крадущиеся. Они приблизились к двери и замерли.

Снаружи кто-то стоял. Не двигался, не дышал шумно — просто ждал, прислушиваясь.

Мы с Марией переглянулись. Она не произнесла ни слова, но я понял всё без слов: опасность.

Несколько долгих, тягучих секунд ничего не происходило. Потом шаги возобновились — глухие, осторожные, удаляющиеся от двери вглубь дома. Они стихали постепенно, но в этой тишине я слышал в них не отступление, а замысел. Кто-то уходил, чтобы подготовить что-то другое.

Мария медленно поднялась, бесшумно, как кошка. Её глаза сверкнули в темноте.

— Не спи, — прошептала она, хотя я и так уже был на ногах, прижимая ребёнка к себе.

Внутри всё сжалось. Хозяева казались мне добрыми там — на пороге, но что происходит сейчас?

За окном ухнула сова. И где-то далеко, за стеной, скрипнула половица — так, словно кто-то проверял, крепок ли дощатый пол под ногами, прежде чем сделать следующий шаг.

Глава четвёртая — рыжая ночь

Глава четвёртая — рыжая ночь

Я не успел ничего спросить, как Мария уже была на ногах. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок, это было открытое окно, которое распахнула Мария. Она обернулась лишь на мгновение, и её алые хищные глаза сверкнули в темноте.

— Сиди здесь. Не высовывайся.

И прежде чем я успел хоть что-то спросить, она легко перемахнула через подоконник и растворилась в темноте густой ночи. Затем послышались приближающиеся возгласы...

Я остался один с ребёнком на руках. Малыш завозился, захныкал, и я прижал его к груди, баюкая, хотя сердце колотилось где-то до чёртиков бешено. Совсем рядом раздался скрип половиц уже не снаружи, а внутри, совсем близко, за стеной. Шаги. Тяжёлые, уверенные.

Дверь распахнулась с грохотом.

На пороге стоял старик, и в руках у него было ружьё. Старое, с длинным стволом, но выглядело оно заряженным и смертоносным. За его спиной маячила старуха, и в её глазах горел не страх, а алчная, первобытная злость...

— Где девка? — рявкнул старик, обводя стволом комнату. — Где та, что с тобой была?

Я попятился, прижимая ребёнка одной рукой и выставив другую вперёд, будто это могло остановить скорую пулю. Но я не поддался отчаянию. Что-то просто не позволяло. Будто я мог позволить?

— Её здесь нет, — выдавил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Она ушла.

— Врёшь! — взвизгнула старуха. — Она где-то тут. Мы видели, как вы спускались с неба, падшие ангелы. Это она — та тварь, что сожгла лес у старой мельницы, будь она проклята, ведьма!

— За её шкуру хорошо-о-о заплатят, — протянул старик, в недоброй ухмылке.

Старик шагнул ближе, целясь мне в грудь. Ребёнок заплакал громче, и я инстинктивно развернулся боком, закрывая его собой. Мои очи расширились, я медленно сдвинул взгляд в сторону на стариков. Неужели они собрались стрелять в человека с ребёнком?

— Отдай ребёнка, и, может быть, мы оставим тебя... в живых, — произнёс старик, и его голос был ледяным. — А девку сами найдём. Позже.

Я не ответил. В висках стучало, мысли метались, как испуганные птицы. Я не думал о последствиях — я просто оцепенел, не от ужаса, а от упрямства. Я не собирался делать то, что они говорят, но не знал что делать.

И тут снаружи раздался звук, такой пронзительный, аж уши заложило каменной пробкой.

Рёв. Такой низкий, от какого все косточки пронизывает студёной бурей. Он накатывал волной, и дверцы распахнутого окна захлопнулись со звуком, подобно упавшему грузу. Старик вздрогнул, ствол ружья дёрнулся в сторону окна, хрупкое стекло затрещало, готовое лопнуть в множество мелких осколков.

А потом ночь вспыхнула.

Стена напротив окна осветилась оранжевым, и в следующее мгновение в комнату ворвался огненный поток. Он ударил в дверной проём, лизнул потолочные балки, рассыпался искрами по сухим половицам. Пламя взревело, словно живое, и дом загудел, как растревоженный улей.

Старик заорал, выронил ружьё и бросился назад, врезаясь в старуху. Та визжала так пронзительно, что у меня заложило уши похлеще, чем от рёва могучего дракона. Огонь расползлся по стенам, потолку, прыгал с занавесок на мебель, и через несколько секунд комната превратилась в неплохую такую русскую баню. Жар бил со всех сторон.

— Бежим! Бежим, дура! — вопил старик, таща старуху за руку.

Они ломились к двери, смешно спотыкаясь, падая, и их тени металась по стенам, как куклы в театре теней. Старуха потеряла платок, и её седые космы развевались, словно змеи. Старик врезался в косяк, выбив себе чуть ли не зуб, но порыве адреналина даже не остановился. Они вывалились наружу с такими проклятиями, что я невольно скривился:

— Чтоб вы сдохли! Чтоб ваша чешуя осыпалась! Чтоб вас громом поразило, змеи подколодные!

Я не стал ждать, пока ребёнок перегреется. Прижимая малыша одной рукой, я рванул к окну. Пламя уже обдирало раму, жар обжигал лицо, но я перевалился через подоконник, упал на землю, перекатился как панда, прикрывая малыша собой.

Снаружи было светло как днём от полыхающего дома. И среди этого зарева, расправив крылья, стояла Мария-дракон. Она была величественна и ужасна одновременно: синяя чешуя отливала золотом, из пасти вырывались струйки дыма, а глаза горели яростным маяком, которым она указала путь к ней на спину. Она опустила шею, глядя на меня, и в этом взгляде читалась не злость, а нетерпение.

— Прыгай! — крикнула она. — Быстрее.

Я не раздумывал. Вскочил, прижал ребёнка к груди, разбежался и снова запрыгнул на спину, хватаясь за знакомый гребень. Дракон не стала дожидаться, пока я устроюсь. Она оттолкнулась от земли, и мы взмыли вверх, оставляя внизу горящую хижину и двух обезумевших стариков, которые всё ещё что-то кричали в ночь, улепётывая в лесок.

Я прижимал ребёнка к себе, чувствуя, как он дрожит, но не плачет — только смотрит на огонь огромными блестящими глазами. Ветер охлаждал моё лицо, ещё горящее от жара, и я впервые за последние минуты вздохнул полной грудью.

— Спасибо тебе, Николай...

Я не ответил. Опустив взгляд к малышу, я осознал, что сумел сохранить ему жизнь не только настоящую, но и будущую... ради него и ради Марии. После пережитого, я погрузился в себя. Позади догорал дом, и его зарево медленно отдалялось, пока не превратилось в маленькую оранжевую точку. А впереди снова была только ночь, звёзды и тихий, ритмичный взмах огромных крыльев Марии, уносящих нас вдаль от опасности. Это было бережно...

Глава пятая — мы дома

Глава пятая — мы дома

Я так и не успел отдохнуть. Всё тело зудело от усталости, веки налились тяжестью, а мышцы ныли так, будто меня всю ночь дубасили палками. Даже в той проклятой хижине, где мы пытались переночевать, мне не удалось сомкнуть глаз: сначала — тишина, потом — шаги за дверью, а потом и вовсе огненный ад. Сейчас, покачиваясь на спине дракона, я ловил себя на том, что клую носом, а ребёнок на моих руках казался неподъёмным, хотя весил совсем немного.

Мария летела ровно, не оборачиваясь, и я уже не спрашивал, куда мы держим путь. Мне было всё равно, лишь бы там можно было лечь и не вставать хотя бы до утра.

Наконец впереди, в склоне лесистой горы, показался тёмный провал пещеры. Мария плавно снизилась, и мы опустились на каменистую площадку перед входом. Она дождалась, пока я неуклюже сползу на землю, и только потом приняла человеческий облик.

— За мной, — коротко сказала она и вошла внутрь.

Пещера оказалась куда глубже и уютнее, чем можно было предположить снаружи. Узкий проход расширился в просторный грот, где горел очаг, сложенный из дикого камня. Вдоль стен стояла простая, но добротная мебель: широкий сундук, деревянный стол, пара лавок, укрытая шкурами лежанка. Где-то капала вода, и звук этот был тихим, убаюкивающим.

Мария сняла со стены чистую тряпицу, расстелила её на лежанке и забрала у меня ребёнка.

Она уложила малыша, поправила ткань и вдруг склонилась над ним, что-то тихо шепча. Я не разобрал слов, но увидел, как воздух вокруг неё пустился в пляс, а по её пальцам пробежали тонкие золотистые нити. Они окутали ребёнка, как тёплый кокон, и через мгновение на его месте лежал уже не человеческий младенец, а маленький дракончик. Крошечный, с перламутровой чешуёй, ещё влажной и блестящей, с прозрачными крылышками, сложенными вдоль тела, и тонким хвостиком, обернувшимся вокруг лапки. Он пискнул, потянулся и затих, уткнувшись мордочкой в ткань.

— Так ему легче, — объяснила Мария, не глядя на меня. — В яйце он должен был провести ещё несколько недель. Теперь ему нужно нагонять.

Мария выпрямилась и повернулась ко мне.

— Завтра я отправлю тебя домой, — сказала она спокойно, поставив меня перед фактом.

Я уставился на неё.

— Что?

— Ты не виноват в том, что произошло. И не должен расплачиваться за это жизнью. Я доведу тебя до тракта, а дальше доберёшься сам.

— Нет, — выпалил я, даже не успев подумать.

Она прищурилась.

— Почему?

Я открыл рот, но слова не шли. Почему? Потому что не хочу уходить? Потому что боюсь оставить их одних? Потому что этот малыш, вылупившийся у меня на глазах, уже занял место где-то внутри, и вырвать его оттуда — всё равно что оставить часть себя?

— Нельзя оставлять ребёнка, — промямлил я. — Он только родился. Ему нужна защита. И...

— Он моя забота, — перебила Мария. — Я справлюсь с этим сама. Как справлялась раньше.

— А если снова нападут? — не сдавался я. — А если те, кто украл яйцо, вернутся? Или другие охотники?

— Я сильнее любого охотника, — холодно отчеканила она.

— Но однажды тебя уже загнали в угол, — выпалил я и тут же пожалел: в её глазах вспыхнула ярость, острая, как лезвие.

Она шагнула ближе, и воздух между нами словно натянулся струной.

— Ты ничего обо мне не знаешь, торговец, — произнесла она тихо, но так, что у меня мурашки на спине стали танцевать чечётку.

— Значит, расскажи... — выдохнул я, не отводя взгляда. — Или позволь мне хотя бы остаться до утра. Я устал так, что сейчас упаду прямо здесь. А потом можешь гнать меня куда угодно.

Она долго смотрела на меня, и в её глазах медленно гасла злость, уступая место чему-то другому — усталому, почти человеческому.

— Ты и вправду не хочешь уходить, — произнесла она не то спрашивая, не то утверждая.

— Не хочу, — признался я, опустив глаза. — Я... сам не ожидал. Но этот малыш... я первый, кого он увидел. И я не могу просто развернуться и уйти, будто ничего не было.

Мария молчала. Потом вздохнула — едва слышно, одними уголками губ.

— Ладно тебе, — сказала она, наконец. — Останешься до утра. Поспи. Ты действительно похож на человека, который вот-вот тут сдохнет у меня на глазах от переутомления, бегать он умеет...

Я не стал спорить. Она подбросила дров в очаг, и в гроте стало светлее. Я сел на лавку у огня, стянул сапоги и вытянул ноги. Тепло медленно разливалось по телу, расслабляя забытые мышцы. Мария опустилась на шкуры рядом с дракончиком, но не легла, а лишь оперлась спиной о камень, глядя на пламя.

— Эта пещера... ты давно здесь живёшь? — спросил я, чтобы разорвать тишину.

— Не очень, — ответила она. — Мы ушли из прежнего дома. Долго скитались. А потом нашли это... «место».

— Почему ушли?

Она долго не отвечала, и я уже решил, что перешёл черту, когда она, наконец, заговорила. Голос её был холодным, но в нём сквозила такая горечь, что у меня защемило в груди.

— Мой муж был сильным, — произнесла она, не глядя на меня. — Очень сильным. Но сила его оказалась не для защиты. Бил он меня. Ломал вещи. Унижал. А потом и вовсе сошёл с ума — стал развратным, жадным до всего, что движется. Ему было мало боли, ему нужно было растаптывать всё, что нас связывало, чтобы утолять свои ощущения.

Я слушал, не перебивая, и с каждым словом мне становилось всё как-то... тяжелее. Мария сидела, выпрямившись, и смотрела на огонь с таким выражением, будто видела там не угли, а обломки прежней жизни.

— Я ушла, когда узнала, что у меня будет ребёнок, — продолжила она. — Взяла яйцо, пока он не добрался до него. И летела. Без оглядки.

— Он преследовал тебя? — тихо спросил я.

— Да. Но я умею прятаться. И умею драться. Пока получалось уходить.

Мы замолчали. Огонь потрескивал, и дракончик тихонько посапывал, свернувшись клубком на шкурах. Я смотрел на Марию и не знал, что сказать. Все слова казались пустыми, как высушенные орехи.

— Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти, — наконец произнёс я. — Ты заслуживаешь лучшего. И он, — я кивнул на малыша, — заслуживает.

Она мрачно вздохнула и перевела на меня взгляд полный скепсиса, но такой, каким она смотрела на своего ребёнка. Я бы сказал добрый. Она не похожа на ту, кто потерял доверие... у неё просто тяжёлое прошлое, из которого она вынесла своеобразный урок. Пережила и стала лишь сильнее и где-то немного мудрее...

— Спи, Николай, — сказала она. — Завтра будет трудный день.

Я лёг на свободный край лежанки, но не стал отодвигаться от дракончика. Мария легла рядом, ближе, чем я ожидал, и впервые за всё время не выглядела напряжённой, как натянутая тетива. Ребёнок, почувствовав тепло, придвинулся к нам обоим, и вскоре его дыхание стало ровным и спокойным.

Я закрыл глаза. Усталость навалилась, как мягкая волна, утягивая на дно. И это было очень приятно, словно в этом бесконечном падении от меня больше ничего не зависит. Но перед тем как провалиться в сон, я почувствовал лёгкое прикосновение — Мария поправила край шкуры, укрывая меня.

Глава шестая — крылатый кошмар

Глава шестая — крылатый кошмар

Мне снилось, что я лежу в пещере, рядом посапывает дракончик, а Мария дышит ровно и спокойно. Огонь в очаге почти погас, но угли ещё тлели, отбрасывая на стены мягкие оранжевые блики. Всё было тихо, уютно, правильно. Так, как должно быть.

Неожиданно для нас небо снаружи взорвалось.

Грохот обрушился на пещеру, как горный обвал. Стены задрожали, с потолка посыпались камни. Я вскочил, ещё не понимая, что происходит, и увидел в проёме входа огромную тень. Она заслонила луну, и мир за стенами пещеры погрузился в кромешную тьму.

А затем эта тьма произнесла заговорчески:

— Вы думали, что сможете спрятаться от меня? — Голос был низким, рокоочущим, как далёкий гром. — Жалкие твари. Я сожгу вас вместе с этим каменным гнездом.

Я уже был на ногах. Мария стояла рядом, закрывая собой дракончика, и лицо её было бледным, как первый снег.

— Беги, — прошептала она. — Возьми его и беги.

Но я не побежал. Вместо этого я схватил первое, что попало под руку, — старую миску, стоявшую у очага. И тут произошло нечто странное: миска в моих руках начала расти, раздуваться, пока не стала размером с добрый щит. Я поднял её перед собой, и огненный поток, ворвавшийся в пещеру, ударил в неё, растекаясь по краям, как вода о камень.

— Что за... — начал я, но времени удивляться не было.

Чёрный дракон заревел и выдохнул новую волну пламени. Я перехватил миску двумя руками, и она снова выросла — теперь уже с тележное колесо. Огонь отступил, но в следующий миг я увидел, как из стены вываливается каменный горшок, и, не думая, схватил его. Горшок задрожал, запульсировал и превратился в нечто похожее на кузнечный щит, только из обожжённой глины, покрытой трещинами, как паутиной.

Пламя билось о мои импровизированные заслоны, и с каждым ударом они становились всё больше — сковорода вытянулась в башенный щит, поварёшка раздулась до размеров весла, а сундук, что стоял у стены, неожиданно разросся в настоящую крепостную стену. Я метался по пещере, хватая предметы и выставляя их навстречу огню, как заправский воин с оружием богов.

Чёрный дракон, казалось, на мгновение опешил. Он замер, втягивая воздух, и вдруг комично схватился лапой за нос, будто обжёгся. Из ноздрей у него повалил густой дым, глаза выпучились, а из пасти вырвался не то чих, не то сдавленный хрип.

— Ах ты, мелочь пузатая! — взревел он, и голос его дрогнул, как у старого кузнеца, хватившего лишнего.

А потом он вдохнул снова. Глубоко, страшно, до хруста в чешуйчатой груди.

И на этот раз пламя было другим. Не оранжевым, не красным — а чёрным, как сама бездна. Оно вырвалось из его пасти сплошной стеной, сметая всё на своём пути. Мои увеличенные щиты лопнули, как яичная скорлупа. Сундук-стена рассыпался в щепки. Горшок взорвался тысячей черепков.

Я обернулся — и замер.

Мария стояла на прежнем месте, прижимая к груди дракончика. Она смотрела на меня, и в её глазах не было страха — только печаль, глубокая, как океан. Она что-то прошептала, но я не услышал слов.

Чёрный огонь накрыл её.

Всё произошло в один миг. Не было крика. Не было вспышки. Просто тело Марии потемнело, пошло трещинами, как пересохшая глина, и осыпалось серым пеплом. Дракончик в её

руках сверкнул напоследок перламутром — и тоже исчез, оставив лишь лёгкое облачко серебряной пыли.

— Нет! — закричал я, но голос сорвался в беззвучный хрип.

Чёрный дракон засмеялся — низко, раскатисто, утробно, и от этого смеха дрожала земля. Я бросился вперёд, но ноги налились свинцом, а воздух стал густым, как смола. Я не мог ни бежать, ни дышать, ни кричать. Только смотреть, как пепел Марии развевается по полу пещеры, как последние искры гаснут в темноте, и как чёрные крылья закрывают небо, оставляя лишь пустоту.